

Пролог

«Мне стоило задуматься... Те образы, что всплывают в нашей голове, когда мы смотрим в глаза женщине, являются отражением чего-то важного и необъяснимого, не до конца осознанного, но уже необратимо пустившего свои ростки где-то глубоко внутри...»

Кравцов

Впервые я встретил Олесю, когда она была смешной пухлощечкой малышкой с копной пшеничных кудряшек и россыпью конопушек на носу. Наши отцы много лет вместе работали в центре эстетической медицины. Не самые близкие друзья, но хорошие приятели и коллеги, периодически пересекающиеся за пределами центра.

В тот памятный день нас пригласили в ресторан по случаю юбилея главы семейства Матвеевых, и нам с Олесей пришлось высидеть за одним столом несколько утомительных часов. Все это время шепелявая малявка раздражала меня своей болтовней и явной гиперреактивностью. Мне уже исполнилось целых тринадцать, а ей от силы пять. Она еще картавила, непоседливо вертелась в своем кресле, доставая всех, а особенно меня, пока я с подростковым интересом поглядывал на одну из официанток, обслуживающих банкет.

Я бы и забыл об избалованной соплячке и о том скучном вечере, но мелкая Веснушка (именно так я прозвал ее с нашей первой встречи) умудрилась стать гвоздем программы, засветив мандарином прямиком в поднос понравившейся мне официантки. Все десять бокалов с напитками были поражены одним метким ударом и с грохотом рухнули на пол, забрызгав в полете гостей и саму официантку.

Пока оказавшиеся в зоне поражения отходили от шока и отряхивались, маленькая хулиганка довольно улыбнулась, демонстрируя отсутствие как минимум двух молочных зубов.

— Страйк, — заявила она, обращаясь ко мне и заговорщически пояснила: — Люблю боулинг.

Второй раз я встретил ее через три или четыре года при схожих обстоятельствах. На этот раз семья Веснушки в полном составе приехала в тот же самый ресторан поздравлять моего отца с юбилеем. По злому року нас снова усадили рядом. Она не сильно изменилась, все так же вертелась и отвлекала взрослых своей детской болтовней, но стала чуть выше ростом, и веснушек заметно поубавилось.

Когда на горизонте появилась официантка с бокалами, я непроизвольно напрягся и с опаской взглянул на фруктовую тарелку, в которой на удачу всех собравшихся не оказалось ничего круглого. Не успели гости выдохнуть и расслабиться, как случилось то, чего не ожидал никто. Кудрявая хулиганка достала из-под стола бумажный самолетик и направила его в сторону приближающейся девушки с подносом. Тот угодил ей прямо в глаз. Вскрикнув, официантка пошатнулась на высоких каблуках и, потеряв равновесие, опрокинула поднос со всем содержимым на меня.

— Снова страйк, — рассмеялась Веснушка, сверкая полным рядом зубов.

— Все еще любишь боулинг? — обтекая, огрызнулся я.

— Неа, теперь я люблю самолеты, — тряхнув копной пшеничных кудряшек, объявила вредная малявка.

Третий раз мы встретились спустя еще много лет в университетской столовой. Я заканчивал ординатуру, она — второкурсница. Я бы никогда ее не узнал, если бы Веснушка не подседала ко мне сама. К слову, веснушек у нее больше не наблюдалось, круглые щечки пропали, а волосы, выкрашенные в пепельный цвет, идеально гладкими локонами струились до середины спины. Хулиганистую малявку в симпатичной хрупкой блондинке выдавали только озорная улыбка да мандарин, который она протянула мне в качестве примирительного приза.

— Привет, Страйк. Помнишь меня? — спросила она четким и красивым голосом, а я впервые рассмотрел цвет ее глаз и завис, нырнув в темно-зеленый омут с янтарными крапинками.

Совершенно не к месту в голове промелькнули воспоминания из детства, никак не связанные с сидящей напротив девушкой. Я вспомнил, как ездил на все лето к бабушке на дачу. Наш уютный зеленый домик на две комнаты с голубыми резными рамами и крошечной пристроенной кухней, сирень под окном, деревянный забор, печку-буржуйку, уличный душ, печеную картошку, компот из клубники, кусты которой росли на заднем дворе, и старый сарай, где стоял проржавевший велосипед, доставшийся мне еще от отца. Вспомнил деревенских мальчишек и как мы веселой шумной толпой наводили шороху на всю деревушку. Вкус теплого козьего молока и мягкого белого батона из местного магазинчика и теплый шерстяной плед, которым накрывала меня бабушка, когда я засыпал там, где заставляла усталость. Вспомнил и горечь сожаления, когда приходило время уезжать обратно в город, и единственную осень, которую провел в деревне по давно забытой причине. Мои приятели по шумным играм разъехались, и в деревне стало тихо и малоллюдно, но я не скучал, придумав себе новое развлечение. Вспомнил свою первую удочку, подаренную мне соседом дядей Васей, и затянутый тиной деревенский пруд, где пропадал с утра до вечера, чтобы прокормить карасями всех животных, брошенных уехавшими в город соседями. Вспомнил прогнивший мостик и квакающих без усталости лягушек, тучи кровожадных комаров, кружащих надо мной, и бабушкины пирожки с капустой, которыми я делился с местной дворнягой, не отходившей от меня ни на шаг. Вспомнил, как к концу сентября вся тина и муть внезапно пропали из пруда, сделав его похожим на изумрудное горное озеро с туристических открыток. Солнце еще грело, золотые березы и осины любовались на свои отражения в темно-зеленой заводи, позволяя разгулявшемуся осеннему ветру срывать с ветвей желтые листья и бросать их на воду...

— Привет, Веснушка. А как же самолеты? — брякнул я первое, что пришло в голову.

Это было по-настоящему странно и необычно. Я совсем ее не знал, но за секунды, что мы смотрели друг другу в глаза, увидел огромный отрезок из своего прошлого. Мне стоило задуматься, почему я напрочь забыл о сидящей рядом со мной

подружке и о друзьях, с любопытством наблюдающих, как их никогда не лезущий за словом в карман приятель конкретно залип на блондинке-второкурснице в смешном васильковом платье с рюшами.

Мне стоило задуматься... Те образы, которые всплывают в нашей голове, когда мы смотрим в глаза женщине, являются отражением чего-то важного и необъяснимого, не до конца осознанного, но уже необратимо пустившего свои ростки где-то глубоко внутри.

Она мелодично рассмеялась, склонив голову к плечу, и доверительно прошептала:

— Диплом врача не помешает мне летать.

— Действительно, — все еще находясь в необъяснимом ступоре, пробормотал я в ответ.

— Теперь я предпочитаю парашютный спорт, Страйк.

— И как?

— Без страховки, — снова расхохоталась Олеся. — Хочешь попробовать?

Кстати, в том пруду с зеленой водой и желтыми листьями я чуть не утонул. Не выдержали подпорки хлипкого мостика, и я провалился в глубину прямо в куртке, теплых штанах и резиновых сапогах. Плавать я умел, но быстро намокшая потяжелевшая одежда камнем тянула ко дну. Меня спасла прикормленная верная дворняга, устроившая такой лай и вой, что на улице выбежали все оставшиеся зимовать соседи. Конечно же, меня спасли, высушили и обогрели, но я четко запомнил, как в какой-то момент испытал отчаянный ужас и обреченное смирение, заставившее опустить руки и перестать бороться. Оно продлилось доли секунды. А потом совсем близко прозвучали испуганные крики соседей, и инстинкт самосохранения включился заново. Наверное, поэтому я, не колеблясь, ответил:

— Не хочу, Веснушка. Диплом врача мне нужен, чтобы спасти жизни, а не рисковать своей.

— Пфф, а ты зануда, — фыркнула она, окинув меня скучающим взглядом.

Я, конечно же, захотел доказать наглой зазнайке, что это не так, да так увлекся процессом, что расстался со своей подружкой через несколько дней, а уже через месяц мы с Веснушкой втайне от родителей стали жить вместе.

К счастью, до прыжков с парашютом дело так и не дошло. Наш роман продлился около года, на большее не хватило запала. Моего или ее, судить сложно. Мы слишком по-разному смотрели на многие вещи и на жизнь в целом. Она — без тормозов, готовая ввязаться в любую авантюру. Сорваться из дома в три часа ночи, чтобы бежать спасать какого-то щенка из приюта, или исчезнуть на сутки в неизвестном направлении, не сказав мне ни слова и игнорируя звонки и сообщения, а потом объявиться как ни в чем не бывало.

Сначала меня удивляло и восхищало ее патологическое стремление помогать всем и вся. Она состояла волонтером в поисково-спасательного отряде и в фонде помощи животным, подрабатывала на добровольческих началах в реабилитационном приюте для бездомных, занималась парашютным спортом, получала высшее медицинское образование и жила со мной. Возможно, именно то, что ее приоритеты были расставлены в перечисленном порядке, постепенно и неумолимо подвело наши отношения к разрыву, а может быть, причина заключалась совсем в другом. Точнее, в ком-то другом, но об этом позже.

Мы расстались тихо, без скандалов. Мне предложили работу в питерском онкологическом центре, а Веснушка осталась доучиваться в Москве. Мы потеряли друг друга на три года, а потом снова нашли...

В четвертый раз жизнь свела нас с Веснушкой в больничной палате. Я долго стоял перед дверью, не решаясь войти. У меня в руках была ее история болезни с подтвержденным диагнозом, а в кармане белого халата чертов мандарин, который я зачем-то туда положил, хотя знал, что цитрусовые ей категорически запрещены. В тот момент этот фрукт казался мне символом солнца, источника жизни и надежды на то, что мне удастся ее вытащить из цепких раковых клещей.

Я зашел бесшумно, осторожно прикрыв за собой дверь, и медленно, все еще страшась неминуемого разговора, направился к кровати, где, опутанная капельницами, неподвижно лежала бледная тень от Веснушки. Ее глаза были закрыты, и я решил, что она спит, но уже в следующую секунду понял, что ошибся.

— Привет, Страйк, — узнав меня по шагам, пробормотала она тихо-тихо.

— Привет... — Опустившись на стул, я взял ее белую холодную ладонь. — Знаешь, я, кажется, созрел на прыжок с парашютом.

— Без страховки? — Уголки сухих губ дернулись, но сил на полноценную улыбку или хотя бы на то, чтобы открыть глаза, у нее не хватило.

— Без страховки не решусь, — поглаживая ее ледяные пальцы, ответил я. — Только с парашютом и самым лучшим инструктором. Согласна?

— Решил меня угробить, Страйк?

Она с трудом разлепила веки, а я снова упал в изумрудно-янтарный омут.

— Вообще-то, я здесь с противоположной целью. Поможешь мне?

— Даже не надейся так легко от меня отделаться!.. — Ее глаза совсем не изменились, как и сила духа, заключенная в съедаемом болезнью теле. — Ты принес мандарин.

Втянув носом воздух, Веснушка все-таки умудрилась улыбнуться. У меня все внутри оборвалось, к горлу подкатил ком. Ну как так, блин? Как так? Ярость потекла по венам, челюсти непроизвольно сжались, но внешне я держался уверенно и спокойно. Выдержка, закаленная опытом, не подвела.

— Ага, — кивнул я с натянутой улыбкой, доставая фрукт из кармана. — Но ты его не получишь, пока не выпишешься отсюда.

— Боишься, что я залеплю тебе мандарином в лоб? — Ее веки не выдерживают напряжения и обессиленно закрываются. — Хотя, знаешь, именно это я и сделаю.

— Злишься на меня?

— Размечтался, Страйк, — прошептала она устало и совсем тихо добавила: — Тебе не повезло, что злость не сжирает раковые клетки. Придется потрудиться.

— Мы победим, Веснушка, — пообещал я и сдержал слово. Почти.

ЧАСТЬ 1

Без страховки

Глава 1

«Я чувствовал себя обманутым, одураченным и, как ни странно, обворованным. Что именно Веснушка у меня украла, я понял не сразу и даже не через год...»

Май 2015. Москва

Кравцов

Никогда не думал, что однажды меня так жестко перемякнет на девчонке, которую видел несколько раз в жизни. Даже в дурном сне не мог представить, что этой девчонкой окажется та самая несносная Веснушка — любительница привлечь к себе внимание и устроить шоу при помощи одного-единственного мандарина.

Может быть, дело вовсе не в ней, а в чертовом мандарине? Хотя кого я обманываю? Ее винтажное нелепое платье и обескураживающая наглость тоже произвели на меня неизгладимое впечатление.

Нет, ну надо же было так вляпаться! Жил себе спокойно, с самооценкой полный порядок, нехватки в женском внимании нет, внешностью Бог не обделил, с финансами все стабильно. Заканчиваю ординатуру, работаю, занимаюсь спортом, в меру начитан. Не олигарх и не мажор, на клубы и шмотки зарабатываю сам. Если бы я встречался со всеми девчонками из тех, что не прочь прокатиться на моем «Ягуаре» (машина, кстати, подарок отца), мне бы не хватило дней недели для каждой. Поэтому я поступал проще — выбирал одну на неделю или две. Это как

пойдет, а потом, охладев или перегорев, переходил к следующей. С последней — Ленкой Свиридовой — продержался целый месяц. Она очень старалась, в койке выкладывалась по полной, не доставала звонками и ничего, кроме моего регулярного участия в секс-забегах, не требовала, да и внешне вполне устаивала. Еще и на красный диплом идет. В общем, мечта, а не девушка. Мне все друзья завидовали. Да и я сам себе завидовал, а потом бац — и как отрезало.

Резко, мгновенно. Вот Ленка сидит рядом со мной в университетской столовке, нашептывая на ухо, как планирует развлекать этой ночью, а я улыбаюсь от уха до уха, ощущая полную готовность к экспериментам. Как вдруг за наш столик, растолкав локтями моих друзей, усаживается смешно одетая блондинка с открытой задорной улыбкой и шальным огнем в зеленых глазах. Смотрит прямо на меня, без капли стеснения и неловкости. Так, словно мы сто лет знакомы и она пипец как рада нашей встрече. Я сначала опешил, а когда блондинка протянула мне мандарин, окончательно завис.

— Привет, Страйк. Помнишь меня?

Конечно, я ее вспомнил. И так уж вышло, что, пока вспоминал, Ленка вместе с моими приятелями-однокурсниками переместилась в параллельную реальность. А мы с Веснушкой остались. Это было похоже на гипноз, в который меня погрузили без спроса.

Неудивительно, что диалога у нас не сложилось. Она меня уделала на раз-два, воспользовалась, так сказать, синдромом внезапности. Обозвала занудой, выставила на посмешище и свалила. Я глазом не успел моргнуть, как преобразившаяся Веснушка исчезла из поля зрения, безжалостно выкинув меня во внезапно поблекший шумный мир, где и Лена Свиридова, и мои друзья стали казаться плоскими и неинтересными персонажами из какой-то чужой, не моей истории.

Я чувствовал себя обманутым, одураченным и, как ни странно, обворованным. Что именно Веснушка у меня украла, я понял не сразу и даже не через год... Осознание придет гораздо позже, а сначала было ощущение раздражения, злости и пустоты, а затем откуда-то взялась навязчивая идея доказать причесанной чудачке без кудрей и веснушек, что она серьезно ошиблась на мой счет.

Но для этой, мягко говоря, неблагородной цели мне как минимум нужно было ее найти. Что оказалось не такой уж простой задачей. Я знал ее имя, фамилию и даже отчество. Знал, что Матвеева Олеся Игоревна учится в нашем универе, и довольно быстро выяснил курс и номер группы. Я (страшно поверить) выучил ее расписание и каждый день приезжал к концу последней пары, надеясь застать врасплох точно так же, как она меня в столовой. В течение недели я приходил минут за пятнадцать до конца занятий и караулил Веснушку в коридоре возле аудитории. Она, само собой, ни разу не появилась. Может быть, прогуливала или болела, но мне уже стало казаться, что Матвеева специально издевается, хотя откуда ей знать, что я торчу в универе каждый день, с дебильной надеждой всматриваясь в лица хлынувшей в коридор толпы студентов. Я, конечно же, мог бы остановить кого-то из ребят и спросить, где их однокурсницу черти носят, а еще мог позвонить ее отцу и спросить номер телефона дочери. Это было бы просто и быстро, но не так, как я бы хотел. Впрочем, я и сам не до конца осознавал, что именно мне нужно от Веснушки.

Честное слово, так по-идиотски мне себя чувствовать еще не приходилось. Самое главное, я прекрасно понимал, что творю какую-то дичь, бесился на себя, зарекался, что сегодня был последний раз, пытался отвлечься другими девчонками, катал их по городу, поил дорогим алкоголем, тащил в свою съемную квартиру, а на следующий день за пятнадцать минут до конца последней пары уже был на посту.

К началу второй недели я почти отчаялся, но не смирился. Понедельник, вторник — ситуация не изменилась.

Сегодня среда, половина четвертого. Счастливая ватага будущих медиков минут десять как покинула стены универа. Среди них Веснушки, разумеется, нет. Злой как черт выхожу на улицу, с досады закуриваю сигарету и, усевшись прямо на ступенях, ищу в телефонном справочнике номер Игоря Матвеева. Поражение надо уметь принимать достойно, но у меня выходит так себе. Моему отцу Матвееву о звонке наверняка доложит, а тот матери, и начнутся вопросы и дурацкие теории.

— Привет, Страйк!..

Смеющийся голос невозможной и неуловимой Веснушки звучит прямо надо мной.

Сердце совершает опасный кувырок, прежде чем оголтело забиться под ребрами. Я задерживаю дыхание, тщетно пытаюсь отключить взбунтовавшиеся эмоции, чтобы презентовать себя как полноценного брутала, а не мямлю, путающегося в словах.

— Папа не даст тебе мой номер, но я оценила попытку...

Легкий шелест одежды, пряный аромат корицы, и она уже сидит рядом. Практически плечом к плечу, бессовестно заглядывая в мой телефон. Пока я ищу в своем арсенале заготовленный остроумный дерзкий ответ для зарвавшейся пигалицы, Веснушка протягивает мне... нет, не мандарин, а наполовину съеденную шарлотку.

— Хочешь? — спрашивает она, перекидывая светлую копну волос на одно плечо, и до меня доносится новый запах.

Конечно же, цитрусовый. Апельсин, грейпфрут и легкие нотки бергамота. Немного странно, что Веснушка пахнет как ароматическое масло для сауны, но ей подходит. У меня начинает кружиться голова, словно я и правда оказался в разогретой до ста градусов бане. Адски хочется на воздух и с головой нырнуть в холодный бассейн. Мне однозначно нужно остыть.

— Ну и ладно, мне больше достанется.

Пожав плечами, девушка с аппетитом вгрызается в свой десерт.

Повернув голову, я смотрю, как она ест. В голове ни одной адекватной мысли, слова застряли в пересохшем горле. У нее пушистые пшеничные ресницы, капризно вздернутый нос и крошечная родинка на щеке. Раньше я ее не замечал. Наверное, из-за веснушек. Куда, кстати, они пропали? С ними мне было гораздо комфортнее, я их почти полюбил за то, что отвлекали внимание на себя.

— Ты... — все-таки мямлю я, безбожно буксуя.

А она ведь снова проделала тот же трюк, что и в столовой. Появилась словно из другого измерения; или затащила меня в свое, опять без спроса.

— Я, Страйк, кто же еще, — жуя свою шарлотку, мычит она. — Курить вредно, — сморщившись, указывает на мою сигарету.

— Жить тоже вредно, — бубню я в ответ, демонстративно затягиваясь.

— О, ты умеешь говорить!..

Веснушка широко улыбается.

Между ее передними зубами застряли крошки, на губах тоже несколько осталось. Мне дико хочется их стряхнуть, но она делает это сама. Вытирает рот салфеткой, в которую был завернут съеденный кусочек пирога, и отворачивается, хлестнув меня по лицу своими волосами. Я инстинктивно втягиваю их аромат и, в шоке от собственных реакций, резко отстраняюсь. От греха подальше.

Достав из своей объемной сумки бутылку с минералкой, Веснушка предлагает мне первому утолить жажду. Видимо, мое расшатанное состояние легко считывается, иначе откуда столько понимания и сочувствия в зеленых глазах?

— Дашь мне свой телефон?

Сделав несколько жадных глотков, я возвращаю бутылку Веснушке, жалея, что не она пила первой. Тогда я мог бы почувствовать ее вкус... Блин, Кравцов, завязывай уже. Совсем головой поехал, что за бред?

— Зачем? У тебя свой есть, а я помогаю только тем, кто находится в сложной жизненной ситуации. Прости, но ты к этой категории ни одной ногой.

— Чего?

Я ни слова не понял из того, что она только что мне сказала. Черт, ее платье... Оно ужасное. Кукольно-розовое с оборками на рукавах и подоле, а еще голубой бант на талии и заколки-ягодки в волосах; и туфли... Белые лакированные лодочки, устаревшие на десяток лет. Да меня засмеют, если я где-то с ней появлюсь!..

— Ты не только зануда, Страйк, но еще и тугодум! — Она смеется так заразительно и громко, что спускающиеся по лестнице студенты начинают с любопытством поглядывать в нашу сторону. — Вижу, что помощь тебе действительно нужна, — втыкает в меня Веснушка еще одну шпильку. — Буду спасать, а то от заикания лечить придется... — Бесцеремонно вырвав из моих рук мобильник, она с деловитым и жутко довольным видом забивает в контакты свой номер, подписывая себя настоящим именем, а потом зачитывает подробную инструкцию к действию: — Днем мне не звони, не отвечу. Можешь писать, если вдруг решишь блеснуть красноречием. Предупреждаю, мат и пьяные звонки не